

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*В.А. КАСАМАРА,
А.А. СОРОКИНА*

Политические взгляды российских заключенных

В статье анализируются представления российских заключенных о России, ее будущем и политическом лидере. Результаты получены в ходе анонимного анкетирования 100 осужденных мужчин, содержащихся в одной из исправительных колоний строгого режима для лиц, ранее отбывавших наказание. Опрошенные заключенные разделяют критический взгляд на политическую систему современной России. Им свойственны низкий уровень лояльности к нынешним политическим лидерам и негативные оценки будущего страны. В целом заключенные оказались настроены намного критичнее среднестатистических россиян. Однако критика “несправедливого государства” и “коррупцированной власти” может являться лишь словесным оправданием заключенными своего девиантного поведения.

Ключевые слова: российские заключенные, российская тюрьма, образ “идеального” президента, образ России, будущее России, девиантное поведение.

The article analyzes Russian prisoners' views on Russia, its future and political leader. The research has been conducted by means of anonymous questionnaire poll among 100 male prisoners kept in a strict regime correctional colony for people who have already served their sentences before. The interviewed prisoners revealed critical view on political system of modern Russia and low level of loyalty to current political leaders. They tend to give negative appraisals of Russian future. In whole prisoners turned out to be more critical in their opinions than average Russians, meanwhile such critical statements as “unjust state” and “corrupted authorities” might be nothing but excuse of their own deviant behavior.

Keywords: Russian prisoners, Russian prison, image of an “ideal” president, image of Russia, Russia's future, deviant behavior.

Современная Россия – один из лидеров по количеству заключенных. Согласно отчету World Prison Population List, подготовленному International Centre for Prison Studies, в мае 2011 г. в мире насчитывалось более 10,1 млн заключенных. Россия вошла в тройку лидеров как по абсолютному их числу (США – 2,29 млн, Китай – 1,65 млн, Россия – 0,81 млн), так и по числу заключенных на каждые 100 тыс. населения (США – 743, Руанда – 595, Россия – 568 человек) (<http://www.idcr.org.uk/>

Касамара Валерия Александровна – кандидат политических наук, заведующая Лабораторией политических исследований Национального исследовательского университета–Высшей школы экономики (НИУ–ВШЭ), доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.

Сорокина Анна Андреевна – младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ, преподаватель кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.

wp-content/uploads/2010/09/ WPPL-9-22.pdf). Несмотря на это, в нашей стране теме тюрьмы и заключенных не уделяется должного внимания. О ней не принято говорить, в публичном дискурсе этой проблемы почти не существует. Согласно опросу Фонда “Общественное мнение”, 54% россиян не знают о том, что Россия занимает одно из первых мест по количеству заключенных (http://bd.fom.ru/report/cat/pow_/d083824). Стоит отметить, что респонденты ни одной из групп, политические представления которых мы исследовали ранее, говоря о проблемах страны, также не акцентировали свое внимание на теме большого количества заключенных в России. В частности, эта проблема не актуализирована и в сознании политической элиты [Касама, Сорокина, 2009; 2011; 2012^а; 2012^б].

В 2005 г. в нескольких тюрьмах России прошли массовые акции протеста заключенных, основным требованием которых стало улучшение условий содержания и прекращение произвола со стороны администрации, выражающегося, в частности, в жестоким обращении с заключенными. Несколько сотен заключенных в колониях в разных городах России объявляли голодовки. В некоторых колониях в знак протеста заключенные пытались вскрыть себе вены. Сразу после этого Фонд “Общественное мнение” провел опрос россиян на тему “Акции протеста заключенных”, в ходе которого выяснилось, что россияне фактически ничего не знают об этих событиях. Так, только 24% россиян сказали, что хорошо осведомлены о том, что эти события имели место (<http://bd.fom.ru/report/map/d052920>).

Однако замалчивание проблемы никоим образом не говорит об ее отсутствии и никак не содействует ее решению. Негативным следствием крайне низкого уровня информированности россиян об особенностях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является возникновение в общественном сознании мифологем о тюрьмах и людях, отбывающих наказание. В статье Г. Искандера рассматривается, как в новостных программах Первого канала ТВ формируются образы российских заключенных и каковы особенности этого образа. Автор приходит к выводу, что в новостях воспроизводятся и постоянно поддерживается стереотип: заключенные – это “чужие”, потому что они опасны для окружающих и постоянно помышляют о побеге: “Восприятие заключенных как угрозы способствует стигматизации людей, освобождающихся из колоний, навязыванию им девиантной роли, ограничению их жизненных шансов и в конечном счете их вторичным отклонениям – алкоголизации, бездомности, рецидиву” [Искандер, 2010, с. 66]. Согласно опросу Фонда “Общественное мнение”, 44% россиян информацию о тюрьмах и заключенных получают из средств массовой информации (http://bd.fom.ru/report/cat/pow_/d083824).

Таким образом, СМИ – основной источник мифологем, связанных с тюремной тематикой. И, как следствие, подобная “информационная политика” СМИ, направленная на насаждение стереотипов, лишь усугубляет проблему, порождая нездоровую атмосферу агрессии. Не последнюю роль в этом процессе также играют многочисленные программы на криминальные темы, которые обычно показывают в прайм-тайм. По мнению психологов, данные передачи не только распространяют негативные эмоции и отрицательно сказываются на психологическом состоянии общества в целом, но и способствуют формированию криминальной субкультуры, поскольку становятся своеобразным “учебником” для преступников. В статье психолога И. Полищука приводятся основные аргументы против показа передач подобного рода: “Некоторые СМИ иногда доходят до информационного садизма, когда отдельные журналисты почти с упоением в подробностях описывают издевательства преступников над жертвой, ее страдания и смерть. Одних людей, впечатлительных и ранимых, такая информация травмирует и сенсублизирует, понижая порог психической травматизации. Других же десенсублизирует, приучает к восприятию смерти, насилия, жестокости, способствуя формированию цинизма и равнодушия по отношению к несчастью других” [Полищук, 2003, с. 64].

Серьезное изучение тюремной проблематики в России не проводится. Возможно, это связано с тем, что нет запроса со стороны государства, поскольку такое иссле-

дование не представляет особого интереса для российских политиков: заключенные в нашей стране согласно ст. 32 (3) Конституции РФ лишены избирательных прав и, следовательно, не являются ценным электоральным ресурсом, тогда как, например, на Украине голоса заключенных активно используются различными политическими силами в избирательной борьбе.

Проблема тюрем и заключенных не фигурирует в программах политических партий, программных заявлениях политических лидеров. В то же время, например, в Скандинавских странах вопросы, связанные с содержанием осужденных, политически важны; без них не обходится практически ни одно предвыборное политическое заявление. Количество осужденных – не только финансовое бремя для бюджета страны, но и прежде всего показатель морального здоровья европейского общества в целом. Поэтому политик, как правило, старается принять меры, направленные на снижение общей численности осужденных, по которым можно оценивать эффективность предлагаемой политики [Hofer, 2003].

В целом на Западе проблема заключенных не табуирована. Политики, общественные деятели, журналисты понимают, что закрыть глаза на нее невозможно. С девиантным поведением, в особенности с его рецидивами, можно бороться лишь в том случае, если проблема активно обсуждается общественностью. Поэтому различные структуры гражданского общества осуществляют ряд мер по работе с бывшими заключенными, которые помогают им вернуться к обычной жизни и уменьшают риск повторного преступления.

Проблеме тюрем и заключенных большое внимание уделяется и западным научным сообществом. Опубликовано большое количество работ, посвященных академическому изучению тюрьмы, среди которых можно отметить обзорные исследования, сфокусированные на обобщении работ по тюремной тематике. Например, анализируются работы, связанные с историей, социологией и антропологией тюрьмы [Rhodes, 2001]. При этом предметом исследования могут быть как тюрьма, а именно – условия содержания, организация досуга, проблемы реабилитации заключенных [Duwe, Clark, 2012; Johnsen, Granheim, Helgesen, 2011], так и ценности и взгляды самих заключенных, их представления о справедливости, законе, здоровом образе жизни [Butler, 2011; Nesterova, 2011; Sieminska, Jassem, Konopa, 2006; Mylonas, Reckless, 1963].

Существуют специальные академические журналы, где публикуются статьи по тюремной тематике. Так, основная цель зарубежного реферируемого журнала “Journal of Prisoner on Prisons”, издаваемого силами нынешних и бывших заключенных, – информирование общества о текущем состоянии тюремных учреждений, проблемах осужденных, реабилитации после заключения и пр. Журнал позиционирует себя как важный альтернативный источник информации, позволяющий бороться со стереотипами и заблуждениями по отношению к тем, кто отбывают наказание или имеют криминальное прошлое. Приведем несколько примеров статей, для того чтобы показать многосторонность издания. Так, в [Minogue, 2008] анализируется проблема политических заключенных в Австралии. В другой статье описывается антропологический метод изучения субкультуры тюрем, суть которого – включенное наблюдение, когда либо сам исследователь находится среди заключенных, либо договаривается с отбывающими наказание и они постоянно предоставляют ему информацию [Huckelbury, Nagelsen, 2009]. Еще один вариант анализа – рассмотрение специфических черт тюремного *Community* и потенциальных трудовых ресурсов этого сообщества [Clark, 2010].

Как видно из приведенных примеров, заключенные – важный объект научного изучения. Тюремная проблематика не только активно освещается СМИ, но и анализируется академическим сообществом. У западных ученых вопрос, зачем изучать осужденных, не стоит: “С точки зрения антропологического исследования заключенные достойны изучения, как и любая другая социальная группа: именно это позволит убрать покров, стыдливо скрывающий их жизнь от общественного внимания” [Калински, 2005, с. 205].

Как отмечалось, тюремной тематике в России уделяется куда меньше внимания, несмотря на то, что наша страна занимает одно из первых мест по количеству заключенных. Немногочисленные исследования субкультуры тюремного мира в России в основном связаны с фольклорной тематикой. В частности, интерес может представлять книга Е. Ефимовой, знакомящая читателей с современной тюремной мифологией и творчеством заключенных [Ефимова, 2004]. В статье С. Гардзонио разбирается основная тематика блатной песни, образы, вокруг которых строятся основные сюжеты данного жанра (“провинция”, “мать”, “тайга”, “вертухай” и пр.) [Гардзонио, 2010]. Безусловно, фольклорная тематика – хороший материал для того, чтобы понять контекст и некоторые смыслы криминальной субкультуры, однако для создания полноценной картины этого недостаточно.

Работ, непосредственно связанных с проблемами тюремного заключения (условиями содержания, адаптацией и социализацией бывших заключенных, их образованием и пр.), практически нет. Можно отметить, например, работы Г. Татидиновой [Татидинова, 1993], Р. Масагутова, С. Ениколопова [Масагутов, Ениколопов, 2004], С. Арасланова, Н. Узлова [Арасланов, Узлов, 2012]. Однако эти примеры – скорее, исключение из правил. Никаких специализированных академических журналов по данной тематике в России не выпускается. Такое положение дел может иметь несколько причин. Во-первых, как мы уже отмечали, тема тюрьмы и заключенных не актуализирована в повестке дня. Во-вторых, эта социальная группа труднодоступна для изучения, в особенности в колониях строгого режима.

Изучение тюремной тематики имеет свои специфические особенности. В работе Б. Калински – исследователя, на протяжении 10 лет прослеживавшей судьбы аргентинских заключенных, рассматриваются основные принципы, которыми должен руководствоваться ученый, специализирующийся на данной теме. Если объект анализа – места заключения или люди, отбывающие наказание, то изучение данной области вовсе не означает готовность “исследователя и его команды оправдать этих людей и признать пользу нарушения закона”. Калински также подчеркивает, что академическое изучение тюрем требует известной степени абстрагирования, защищающего исправительные учреждения от предельной публичности [Калински, 2005]. В своей работе, руководствуясь этим принципом, мы не называем конкретного места проведения опроса, для того чтобы сохранить максимальную степень анонимности.

Среди немногочисленных статей по тюремной тематике мы не встретили ни одной, посвященной политическим взглядам людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, что, в свою очередь, делает наш проект уникальным. Данная работа – продолжение проекта Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ, посвященного анализу политических взглядов различных групп российского общества [Касамара, Сорокина, 2009; 2011; 2012^a; 2012^b]. Особенность проекта – изучение той части населения, которая обычно представляет собой “белое пятно” социологии: речь идет о труднодоступных респондентах, традиционно исключаемых из выборки, по которой работает большинство социологических центров. Данный проект позволяет получить более детализированную картину состояния российского общества в целом во всех его проявлениях.

В 2011 г. нашими респондентами стали осужденные мужчины, содержащиеся в одной из исправительных колоний строгого режима для лиц, ранее отбывавших наказание. Опрос проходил в письменной форме. В ходе исследования были опрошены 100 заключенных. Более половины респондентов (57%) в возрасте от 25 до 35 лет, 9% – от 18 до 24; 18% – от 36 до 45; 13% – от 46 до 60; 3% – от 61. У 95% опрошенных не было высшего образования; 90% респондентов имели рабочие профессии: слесарь, электросварщик, автомеханик, плотник и пр. Орфография и пунктуация в ответах респондентов сохранены.

Представления о России

Современная Россия. Первый блок вопросов был нацелен на выявление того, какой заключенным представляется современная Россия и какой, на их взгляд, она будет через 10–15 лет.

Большинство заключенных (60% опрошенных) воспринимали ситуацию в стране крайне негативно. В своих ответах респонденты использовали эмоционально насыщенные эпитеты: “ужаснейшая”, “прогнившая”, “жестокая”, “безобразная”. Современная Россия представлялась респондентам “*рассадником коррупции, наркомании и преступности*” с полностью прогнившим аппаратом власти. По их словам, в ней отсталая экономика, неразвитое автомобилестроение, упадочное сельское хозяйство. Респонденты акцентировали внимание на проблеме социального неравенства, бедности и отсутствии социальных гарантий: “*Современная Россия – это полицейское государство, где власть коррумпированная. Кто богатый, тот и правит балом. Работага унижен, пенсионеры – лишний мусор*” (электрослесарь, 62 года). В “этой стране”, по мнению респондентов, “*может выжить только тот, у кого есть деньги*”, нажитые нечестным путем. При этом “нечестный путь” не ассоциируется у заключенных с совершенными ими преступлениями. Воровство – порок государственных чиновников, и оно должно караться очень строго. Однако когда воруют “простые люди”, то их действия можно оправдать сложившимися жизненными обстоятельствами.

В своих характеристиках современной России заключенные обращали внимание и на специфические проблемы, обсуждаемые чаще в среде экспертов, а не среднестатистических россиян, такие как глобальное потепление, экологические и демографические проблемы: “*Сильное расслоение общества на бедных и олигархов. Абсолютное неравенство перед законами. Демографический кризис с глубокой деградацией общества вкупе с глобализацией и урбанизацией приводит к негативным последствиям*” (автослесарь, 30 лет).

Мы были удивлены достаточно высоким уровнем письменной культуры наших респондентов. Стоит обратить внимание на умение логично и четко излагать свои мысли в письменной форме, богатство словарного запаса и грамотность, несмотря на то, что практически никто из наших респондентов не имел высшего образования. Многие заключенные в своих ответах, как и респонденты других наших исследований, использовали для описания России одушевленные образы [Касамара, Сорокина, 2011⁶]. Для кого-то это был женский образ, и тогда он воплощался в “*безалаберной девушке*”, “*иногда слишком доверчивой и мягкой*”. А для кого-то Россия – это еще только начавший взрослеть юноша, который “*постоянно набивает себе шишки*”.

«*По-моему, Россия на данный момент представляется учеником 8–9 класса, то есть уже не ребенок, но еще не мужчина. Слишком много противоречивых законов и указов, слишком много метаний из крайности в крайность, и доходит иной раз просто до абсурда, и все узаконено показывается в СМИ. Такое ощущение, что госчиновники думают – “Все равно все прокатит” и русский народ примет все как должное*» (помощник электрика на наземном транспорте, 37 лет).

Часто в ответах респондентов затрагивалась проблема несправедливости законодательства. В частности, речь шла об отсутствии права голоса у заключенных: “*Граждане не должны быть лишены права выбора, в частности, осужденные не должны быть дискриминированными*” (подземный электрослесарь, 35 лет). Одной из острых проблем, связанных с правовой сферой, по мнению респондентов, также является коррупция в органах власти, приводящая к несправедливым судебным решениям: “*В современной России существует беззаконие, так как с нынешними законами больше половины населения будет сидеть в тюрьме, а чиновники, которые грабят простых граждан, сидят у себя в кабинетах. Надо менять законы*” (швец, 24 года).

Положительные отзывы о современной России прозвучали только у трети респондентов (30%), однако их ответы были немногословны и ограничивались несколькими характеристиками: хорошая, красивая, самая лучшая. Стоит отметить, что, в отличие

от респондентов предыдущих наших исследований, в частности бездомных, у заключенных не был выявлен пафос великодержавности. В предыдущих наших исследованиях мы сделали предположение, что вера представителей “социального дна” в великодержавность России играет важную компенсаторную роль. Чтобы не ощущать себя слабым и одиноким, социально не защищенным людям хочется чувствовать сопричастность к большой и сильной стране. Поэтому большинство опрошиваемых нами бездомных, несмотря на свое трудное социально-экономическое положение, заявляли нам: *“Сегодняшняя Россия – самая сильная держава, которая всегда была и будет непобедимой”* [Касама, Сорокина, 2011⁶, с. 28].

Можно предположить, что у заключенных потребность чувствовать сопричастность к чему-то сильному и великому реализуется за счет осознания своей включенности в криминальную субкультуру, без которого выжить на зоне очень сложно. Ты должен быть частью тюремного сообщества, следовать “воровским законам”.

Будущее страны. Представления заключенных о будущем страны носят также достаточно негативный характер (60%). Критически настроенные респонденты считают, что страну окончательно погубит коррупция, демографический кризис и отсталая экономика и Россия перестанет существовать в своих первоначальных границах, став *“провинцией Китая”* или *“подобием стран Средней Азии”*.

Позитивный сценарий предложили лишь треть опрошенных. Однако их ответы имели скорее характер пожелания, нежели утверждения. Данная группа респондентов употребляла в своей письменной речи такие слова, как *“хотелось бы”*, *“желаю”*, *“мечтаю”*: *“Через 10 лет хотелось бы видеть страну с развитой демократией, твердой, справедливой законодательной базой и высоким уровнем жизни низшего класса”* (каменщик, 25 лет); *“Я хочу, чтобы Россия стала деурбанизированной, развитой страной с высоким уровнем жизни населения, экологически чистыми и полезными продуктами”* (автослесарь, 30 лет).

Часть респондентов, позитивно оценивающих будущее страны, предлагали совершенно фантастические позитивные сценарии: *“Россия станет столицей мира”*, страной *“с летающими автомобилями”* и *“невероятным прогрессом”*. При этом подобного рода ответы скорее всего саркастические, так как в своих характеристиках современной России эти респонденты были настроены крайне негативно.

Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенному в 2012 г., наиболее популярным ответом на вопрос: *“Опишите, пожалуйста, какой, по вашему мнению, должна быть Россия к 2020 году?”* – стал ответ о том, что страна должна стать величайшей державой мира (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=112823>).

Часть наших респондентов затруднились с ответом на этот вопрос и свою неспособность представить будущее страны объяснили тем, что Россия слишком непредсказуема: *“Я не могу даже предположить, что будет через 10–15 лет, так как современная Россия это страна контрастов, и что сейчас белое, возможно, через некоторое время будет черным. Многие этические грани просто стерлись, а человеческие понятия до той степени перевернулись, что иногда удивляешься, а нормальный ли я сам”* (станочник, 36 лет).

Представления о политическом лидере

Идеальный политический лидер. Когда респонденты начинали рассуждать о качествах идеального президента, то в основном переходили на характеристику направлений его деятельности. Так, прежде всего идеальный президент должен заботиться о *“простых людях”* (22%): обеспечить всех жильем, работой и хорошей зарплатой: *“Я добрый и ранимый человек, поэтому если бы я был президентом, то в первую очередь строил бы дома-приюты для бомжей и бедных. Создал бы отдел социальной помощи для пенсионеров, направленный на поддержку отношений среди пенсионеров и их детей и внуков. Молодежь сейчас трудная”* (каменщик, 36 лет).

Президент, по мнению респондентов, в первую очередь должен “*слышать простых людей*”, “*знать обо всех их проблемах и трудностях*”, “*создавать им идеальные условия существования*”, а также “*не забывать о бездомных и осужденных*”: “*Президент должен болеть душой за свой народ, уважать его, не забывать о России и живущих в ней людях*” (столяр, 25 лет).

Одним из основных желаемых действий идеального президента стала амнистия (17%): “*Необходимо объявить амнистию. Освободил бы все колонии, тюрьмы, с привлечением на стройки народного хозяйства*” (слесарь-механик, 35 лет).

Заключенные также рассуждали о “*честности и порядочности*” идеального президента (13%). Они делали упор на том, что президент не только сам не должен воровать, но и должен следить за тем, чтобы его подчиненные не воровали: “*Президентом идеальным должен быть человек, прежде всего, бескорыстный, честный и разумный, достаточно молодой. Должен наказывать преступников в эшелонах власти, а не только мелких преступников*” (плотник, 37 лет).

Некоторые заключенные настаивали на необходимости установления жесткого контроля над людьми, имеющими власть: “*Я бы добился принятия закона, чтобы проверять всех должностных лиц на безусловное исполнение законов. Всех без исключения через полиграф*” (электрогазосварщик, 58 лет). Заключенные предлагали ввести жесткую систему наказания для “*деятелей власти*” вплоть до смертной казни. Подобные репрессивные меры, по мнению заключенных, помогли бы наконец-то навести в стране порядок, которого ей так не хватает.

На наш взгляд, запрос на честного, порядочного лидера, который заботится о простом народе, коррелирует с осознанием респондентами современных российских проблем. Потребность в патриархальном лидере связана с нехваткой социальных гарантий, а запрос на честность и порядочность – с социальной несправедливостью и коррумпированностью системы. Подобный запрос на патриархального лидера встречается у разных групп россиян. Данная мифологема достаточно прочно укоренена в российском политическом сознании. И в этом случае представления заключенных во многом схожи со взглядами других респондентов наших исследований [Касама, Сорокина, 2009; 2011⁶; 2012^a; 2012⁶].

Действующие политические лидеры. Критическое отношение к современной России отразилось и на восприятии действующих политиков. Самый популярный ответ на вопрос о том, кого из современных политических деятелей можно назвать образцовым, – “*никого*” (40%). Заключенные обосновывали свою позицию тем, что все современные политики погрязли в коррупции и не справляются с обязанностями: “*Я не могу назвать ни одного достойного кандидата на роль политического лидера, потому что Россию разворовывают жадные чиновники, депутаты и мэры. Все покупается и продается*” (стропальщик, 24 года); “*В наше трудное и тяжелое время, как царит везде хаос и разруха с беспределом, так все и будет в дальнейшем, пока к власти не придет нормальный и уравновешенный человек*” (тракторист, 54 года).

Среди участников исследования был выявлен крайне низкий уровень поддержки В. Путина. Только 18% опрошенных признали его образцовым лидером, но с большой оговоркой: он “*лучший среди худших*”. “*Может быть, Путин, он хоть немного шевелится*” (плотник, 27 лет). По словам респондентов, Путин хоть что-то пытается сделать для России: “*...после ельцинской политики он более или менее старался вывести Россию на соответствующий ее статусу уровень в мировой экономике и в политическом плане*” (электрик, 37 лет)¹.

Около 15% заключенных назвали идеальным политическим лидером В. Жириновского, который, по словам респондентов, человек не только слова, но и дела: “*Отстаивает интересы народа. Жириновский меньше говорит, больше делает*”

¹ В феврале 2012 г. ВЦИОМ провел опрос, посвященный мнению граждан о политических лидерах, при которых страна развивалась в правильном направлении. Наибольшее количество россиян (61%) позитивно оценили В. Путина. Однако в предлагаемой анкете отсутствовал ответ “никого”, который во многом мог скорректировать полученные данные.

(каменщик, 25 лет). Близка заключенным и агрессивная политическая риторика Жириновского, потому что этот политический лидер, по их словам, *“справедливый и открытый, прямой человек”*, способный говорить *“все, что он думает”*: *“Я считаю идеальным политическим лидером Жириновского. Он расставил бы все точки над И”* (электрослесарь, 45 лет).

Некоторые участники исследования упоминали Б. Обаму, *“потому что в Америке у человека есть права”*, и А. Меркель. Кто-то из респондентов не видел у современных политических лидеров черт, близких к чертам идеального президента, поэтому упоминали И. Сталина, при котором *“в стране был порядок”*, и *“мы выиграли войну”* и Наполеона.

У заключенных представления об идеальном политическом лидере не совпадают с представлениями о реальных политических лидерах. В то же время подобное совпадение можно наблюдать у обычных россиян. В частности, в нашем недавнем исследовании мы проводили опрос студентов “топовых” московских вузов. Исследование показало, что даже те из них, кто критически относится к деятельности Путина, не отрицают наличия у него черт “идеального президента” [Касамара, Сорокина, 2012^a; 2012^b].

Вопрос о смертной казни

В нашем исследовании мы спрашивали заключенных об их отношении к смертной казни. В 1996 г. Россию пригласили в Совет Европы при условии ее отмены. На смертную казнь был наложен мораторий, однако этот вопрос до сих пор остается дискуссионным. В частности, многие общественно-политические деятели выступают за введение смертной казни по ряду преступлений (например, партии КППФ и ЛДПР). Так, в программе ЛДПР сказано, что партия выступает за то, чтобы “отменить мораторий на смертную казнь по статьям за терроризм. Ввести смертную казнь для наказания высокопоставленных коррупционеров, чьи действия на руку террористам” (http://www.ldpr.ru/#party/Program_LDPR/A_practical_program_for_the_Liberal_Democratic_Party). Согласно опросу Фонда “Общественное мнение”, большинство россиян (62%) также считают, что следует вернуться к применению смертной казни (<http://fom.ru/obshchestvo/10378>).

Однако для нас оказалось неожиданным получить такой же ответ и от наших респондентов: на вопрос, нужна ли в России смертная казнь, 60% заключенных также дали положительный ответ. Смертная казнь, по их мнению, должна быть введена для насильников, педофилов и террористов. Респонденты делали акцент на том, что в среде заключенных тоже существует свой “кодекс чести” и часть преступлений просто неприемлема в их субкультуре. Поэтому люди, совершившие эти преступления, не имеют права называться преступниками: *“Однозначно, да! Есть преступления, которые осуждают сами заключенные. А я считаю, что не надо рекламировать в телепередачах поздние рассказы маньяков-насильников и прочей нечисти, которых даже преступниками назвать затруднительно”* (помощник электрика на наземном транспорте, 37 лет).

* * *

Наше исследование, в котором мы постарались проанализировать политические взгляды заключенных, позволяет понять, как люди, живущие не по “правилам” общества, относятся к стране, ее будущему, политическим лидерам, а также как оправдывают свое девиантное поведение и чем их взгляды отличаются от взглядов обычных российских граждан.

В своих политических представлениях заключенные оказались намного критичнее среднестатистических россиян, о чем свидетельствует сопоставление наших данных с результатами опросов общественного мнения. Также можно сказать, что это

самая критически мыслящая группа респондентов из всех социально-политических групп, опрошенных в рамках проекта Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ – депутатов, военнослужащих, студентов, бездомных, детей улиц, благополучных школьников, пенсионеров [Касама, Сорокина, 2009; 2011⁶; 2012^а; 2012^б].

У российских заключенных мы не обнаружили пафоса великодержавности. Никто из опрошенных нами респондентов не считал Россию “самой сильной и могучей страной в мире, которой нет равных”.

Современную Россию заключенные считают слабой страной с прогнившим аппаратом государственной власти. Большинство участников исследования не видят позитивного сценария будущего России. Они считают, что ничего хорошего стране не ждет, потому что ее окончательно погубит коррупция, демографические проблемы, слабая экономика. Не исключали респонденты и того, что ослабевшая Россия уподобится странам Средней Азии или станет провинцией Китая.

Критическое отношение к современной России, на наш взгляд, также связано с низким уровнем лояльности к политическим лидерам, в частности к президенту Путину. По мнению заключенных, современная власть несет ответственность за происходящее в стране, поэтому они практически не видят ни одной подходящей кандидатуры из ныне действующих политиков на высший пост в государстве. В свою очередь, идеальный политический лидер, согласно представлениям заключенных, должен быть справедливым патриархальным лидером, заботиться о своих гражданах. В этом вопросе взгляды заключенных полностью совпадают с укоренившейся в российском сознании мифологемой о том, что страной может управлять лишь “царь-батюшка”. Он должен быть честным и порядочным и следить за тем, чтобы люди в его окружении не воровали. При этом заключенные считают, что с государственным казнокрадством нужно бороться самым радикальным образом, вплоть до применения смертной казни. Воровство же на “негосударственном уровне”, в частности совершенные ими самими преступления, не воспринимается заключенными как опасное деяние.

На наш взгляд, политические взгляды заключенных – взгляды неконформистского дна. Нашими респондентами стали люди, которые живут по другим законам и которые не принимают систему ценностей и правила поведения, действующие в обществе. Критический взгляд на политическую систему, низкий уровень лояльности к нынешним политическим лидерам – проявление их культуры “несогласия” и “неприятя”. Исследователи девиантного поведения отмечают, что люди, совершающие преступления, субъективно не считают себя виновными, если исповедуемая ими система ценностей резко противоположна общепринятой в данном социуме [Еременко, 2000].

Таким образом, во многом критика существующей системы – это словесное оправдание своего девиантного поведения. Для многих заключенных “несправедливое государство” и “коррупцированная власть” становятся моральным обоснованием совершаемых ими преступлений: “я так поступаю, потому что мир несправедлив”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арасланов С.Ш., Узлов Н.Д.* Жизнестойкость и психологическое благополучие заключенных в соответствии с их тюремной иерархией // Психология и право. 2012. № 2.
- Гардзонио С.* “Русский шансон” между традицией и новаторством: жанр, история, тематика // Новое литературное обозрение. 2010. № 101.
- Еременко М.А.* Социология права. Девиантное поведение. Проблема “переложения вины” // Социс. 2000. № 7.
- Ефимова Е.С.* Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор. М., 2004.
- Искандер Г.Я.* “Сижу за решеткой”: медиаобразы российских заключенных // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1.
- Калински Б.* Болезненные исследовательские контексты социальной антропологии. Региональное исследование: государственные тюрьмы провинции Неукен, Аргентина // Международный журнал социальных наук. 2005. № 49.
- Касама В.А., Сорокина А.А.* “Идеальный” президент глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012^б. № 1.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // ПОЛИС. 2011^а. № 4.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012^а. № 4.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц // ПОЛИС. 2009. № 6.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011^б. № 6.

Масагутов Р.М., Ениколопов С.Н. Краткие сообщения. Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. 2004. № 1.

Полищук И.Ю. О негативном влиянии средств массовой информации на психическое здоровье // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 1.

Татиудинова Г.Т. Социальная реадaptация бывших заключенных // СОЦИС. 1993. № 3.

Butler F. Rush to Judgment: Prisoners' Views of Juvenile Justice // Western Criminology Review. 2011. Vol. 12. № 13.

Clark J. Reflections on the Prisons as Community // Journal of Prisoners on Prisons. 2010. Vol. 19. № 1.

Duwe G., Clark V. The Importance of Social Support for Prisoner Reentry: the Effects of Visitation on Offender Recidivism // Corrections Today. 2012. Vol. 74. № 2.

Hofer V.H. Prison Populations as Political Constructs: the Case of Finland, Holland and Sweden // Journal of Scandinavian Studies in Criminology & Crime Preventio. 2003. Vol. 4. № 1.

Johnsen B., Granheim P.R., Helgesen J. Exceptional Prison Conditions and the Quality of Prison Life: Prison Size and Prison Culture in Norwegian Closed Prisons // European Journal of Criminology. 2011. Vol. 8. № 6.

Huckelbury C., Nagelsen S. The Prisoner's Role in Ethnographic Examinations of the Carceral State // Journal of Prisoners on Prison. 2009. Vol. 18. № 1–2.

Minogue C.W.J. Political Prisoners in Australia? // Journal of Prisoners on Prisons. 2008. Vol. 17. № 2.

Mylonas A.D., Reckless W. Prisoners' Attitudes Toward Law and Legal Institutions // Journal of Criminal Law. 1963. Vol. 54. № 4.

Nesterova M. Peculiarities of Prisoners' Perception of Justice and the Belief in a Just World // Regional Review. 2011. № 7.

Rhodes L. Toward an Anthropology of Prisons // Annual Review of Anthropology. 2001. Vol. 30.

Steminska A., Jassem E., Konopa K. Prisoners' Attitudes towards Cigarette Smoking and Smoking Cessation: a Questionnaire Study in Poland // BMC Public Health. 2006. Vol. 6.

© В. Касамара, А. Сорокина, 2013